

личности в образе Штольца, противопоставляя ему носителя философии «покая», «созерцания» — Илью Обломова.

Позиция Гончарова — позиция «меры» между «страстью» и «покоем». Образно говоря, это идеал страсти, направленной в спокойное русло. Разными путями приходят герои к одной и той же мысли. «Давать страсти законный исход, — думает Обломов, — указать порядок течения, как реке, для блага целого края, — это общечеловеческая задача. . .» Об идеале «меры» рассуждает и Штолец: «Он говорил, что „нормальное назначение человека — прожить четыре времени года, то есть четыре возраста, без скачков и донести сосуд жизни до последнего края, не пролив ни одной капли напрасно, и что ровное горение огня лучше бурных пожаров. . .“ (IV, 167). Сходство рассуждений Обломова и Штольца обусловлено идеалом самого автора романа. Обратим внимание на то, что их размышления весьма близко воспроизводят сказанное Карамзиным в эссе «О счастливейшем времени жизни»: «Дни цветущей юности и пылких наслаждений! Не могу жалеть о вас. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастья: его не было в сей бурной стремительности чувств к беспрестанным наслаждениям, которые бывают мукою < . . . > не в летах кипения страстей, а в полном действии ума, в мирных трудах его, в тихих удовольствиях жизни единообразной, успокоенной, хотел бы я сказать солнцу: остановись!»¹⁷ Идеал «меры», «плавных переходов» в развитии жизни в значительной мере объединяет Карамзина и Гончарова, который в этом-то идеале, возможно, и усмотрел одну из граней «гуманности» Карамзина.

Обоих писателей объединяет и подход к проблеме прогресса человеческого общества. Карамзин, как позднее и Гончаров, не мог не испытывать определенных сомнений в просветительских установках. В письме Мелодора к Филалету просвещение не случайно названо «острым кинжалом в руках убийцы». Но все же автор остается на позициях исторического оптимизма: «. . . Бог, конечно, обратит все к цели общего блага».¹⁸ Этот же пафос пронизывает неопубликованное письмо Гончарова к А. Ф. Кони от 19 августа 1880 г.: «Можно было бы пасть подавленным этой скорбью, без веры в будущность человечества < . . . > Я верю < . . . > что мир цивилизованный не может погибнуть. . .»¹⁹ В «Необыкновенной истории» подобное же утверждение подкреплено, как и у Карамзина, ссылкой на провидение: «Я < . . . > удивляюсь тому, как при временных возмущениях могут сомневаться в светлой и чистой будущности человечества! Это значит — не верить в Провидение!» (VII, 404).

Этим объясняется и сходное отношение Карамзина и Гончарова к философии Руссо, идеи которого сыграли значительную роль в творчестве обоих художников. Им оказался близок прежде всего

¹⁷ Карамзин Н. М. Сочинения. СПб., 1835. Т. 8. С. 137—138.

¹⁸ Карамзин Н. М. Избранные сочинения и письма. Т. 1. С. 155.

¹⁹ ИРЛИ, 4904, 256, 67.